

Татарин был мужиком¹. Никакие масти² на себя не принимал, не рисовался. Как был, так и есть. Роста низенького, коренастый, всегда коротко стриженный. Голова круглая, как мячик. Только уши в разные стороны торчат. Руки короткие, жилистые, а ладонь непропорционально широкая. Одной рукой поднимал трехлитровую банку с брагой и длинным глотком полбанки осушал — духу хватало. Силищи в руках этих немерено было. Пустить бы ее на добрые дела, так ведь нет, по другой дорожке пошел.

Жил с бабой, ее Грипухой в нашем ауле прозвали. Давно прозвали, уже и никто не помнил почему. Освободившись, шел как-то Татарин по улицам детства, дышал свободой, а тут навстречу ему она. Легкое красное пальтишко поверх ночнушки. В кудрявых волосах весенний ветерок играет. И подумал Татарин: судьба это, никак не иначе.

Привет-привет, где муж? Умер. Пошли свободу мою отметим? Пошли... Так и подружились. Жили в ее доме. Завалился дом без хозяина. Грипуха хоть и крепкая баба, а года совсем уже не те, да и на спиртное налегать последнее время стала, вообще не до красоты теперь. Сын — наркоман, у него тоже совсем другие интересы. Появлялся редко, больше к пенсии приходил, денег покланчить или стащить что-нибудь из дома, продать и кайфануть.

Татарин столько лет на дядю пахал, здоровье свое тратил, а тут — родное всё, домашнее. Соскучился по такому. С первых же дней начал уборку в огороде делать, трава никем не кошена, земля не пахана несколько лет.

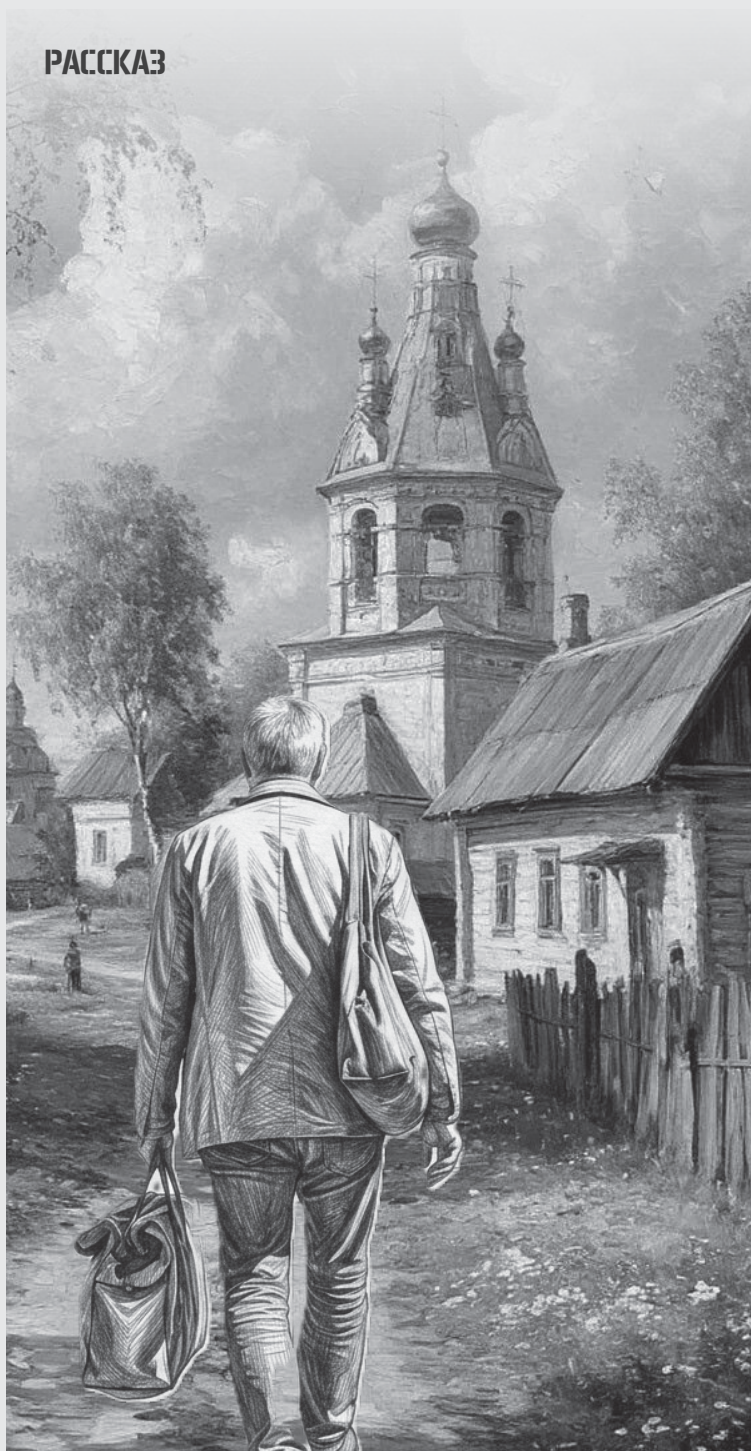
Пригрелся Татарин, обжился. В планах было дом восстановить мало-мальски, землю распахать, да и жить спокойной крестьянской жизнью. С малолетки мечтал остановиться. Вот оно, казалось бы, и счастье близко, живи и радуйся. На работу сторожем устроился. Дружки подхихикивали: «Не в падлу тебе, Татарин, под старость лет сторону менять?» А он только улыбался своей бесхитростной улыбкой.

Тимофей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

г. Кемерово

ТАТАРИН

РАССКАЗ

— Я, — говорит, — и в зоне всегда мужиком был, в блатные не метил... А что, мне, старику, много надо? Так... чтобы штанишки не сваливались да хлебушек в закромах имелся.

Всё бы хорошо, но пила Грипуха. День не могла без спиртного прожить. Татарин после отсидки тоже задвигал, памятуя шальное прошлое, а потом задумываться стал. Нет, не о такой жизни он на казённых нарах мечтал. Нет, не для этого он хозяйскую баланду пережёвывал. Пора за голову браться. Человеком становиться.

У соседа молодые побеги вишни выклянчил, посадил вдоль забора. Помнится, по молодости Грипуха очень вишню любила. Окрепнут росточки — через пару лет хороший урожай дадут.

Возвратился Татарин как-то со смены домой, а дома, как всегда, пьянка-гулянка. Грипуха спит уже в кладовке на тахте. За столом на кухне два мужика сидят. Вроде видел он их в ауле, вроде местные они. Его-то каждая собака знала, если не в лицо, то по слухам — точно. По слухам оно даже и вернее. Народ-то истории любит приукрасить, побольше жути навести. И гости эти наверняка знали, что Грипуха с Татарином сошлась и кто теперь хозяин в доме. Да только выпили лишку, смелости набрались и на равных с ним диалог вести начали. А он злой со смены пришёл, голодный. Огрызнулся в сердцах. Ну, в общем, не пошёл у них разговор. Один-то вроде как бы осознал, притих малость. А второй, как будто окрыленный, быковать начал. Не любил Татарин, когда быкуют. Не привык по жизни к такому. Молча взял со стола нож кухонный, которым Грипуха колбасу нарезала, и ткнул заносчивого гостя в живот. Кровища хлынула, весь стол залила. Гость побледнел, как известка на потолке, завалился на бок с табуретки. Татарин помыл руки в умывальнике мылом хозяйственным, развернулся, а от второго уже и след простыл. Вышел Татарин на крыльцо, сел, взялся руками за голову. Ну, теперь точно «Огненный остров»³. Что же такое? Года не прошло, а зона опять его позвала. Так и тянет она, родимая, отпускать не хочет.

Вспомнилось ему, за что первый срок получил. На железнодорожной станции работали, с парнями вагоны разгружали, а бригадир — рожа прыщавая — обманывал их. Деньги все себе забирал, а пацанам мелочовку раскидывал. Ну, как прознали про это от добрых людей, куда деваться? Кровь молодая, горячая. Взял Татарин у механика ключ разводной, завернул его в газетку, дошёл до станции, присел в кусты, подождал до вечера. Когда бригадир домой возвращался, подскочил сзади и ударил с размаху по голове. Черепушка шелкнула. Упал бригадир на рельсы, задёргался в конвульсиях. А Татарин вину за собой так и не почувствовал. Благое дело, говорил, совершил, мир от очередного урода избавил.

Недолго горевать ему на крыльце пришлось. Дружок-то сбежал не куда-нибудь, а прямоком в полицию. Вот они подъехали налегке, с мигалками включёнными, а Татарин сидит на крыльчке, папиросу докуривает. Встал без слов, погладил шероховатые деревянные перила, оглянулся тоскливо на дом, на Грипуху, в нем сладко сопящую. Пошёл и так же молча сел в машину.

А терпила⁴-то выжил. Повезло Татарину на этот раз. И в суде терпила повёл себя правильно. Претензий не имел, говорил, что из-за женщины повздорили. Знал бы прокурор Грипуху в лицо, ни за что бы не поверил. Только причинение вреда здоровью просто так не спишешь. Дали Татарину общего режима пять лет без права на УДО. В этот срок погремуха⁵ новая к нему прилипла — Кухонный боец.

Татарин с какого-то раза решил, что он мусульманин. Может быть, отец чего в детстве говорил, может быть, сам придумал: если татарин — то обязательно ислам. Но в мечеть не ходил. Сам в себя по-тихому верил, Аллаху молился в трудные минуты. Другими вероисповеданиями он не брезговал, но свою — выдуманную — веру не предавал.

В то время зону проводывал отец Владимир. Комнату молельную начальник выделил. Он иконочки поставил, свечи жёг, с ээками разговаривал. Человек в хорошей жизни Бога-то и не помнит, а как трудности начинаются — тут же на крест падает. Много было у него прихо-

жан разных — и воров, и убийц, и по случайным обстоятельствам страдающих. От тюрьмы не зарекаются. Всех батюшка принимал. Исповедовал, добрым словом укреплял. И с Татаринном он быстро общий язык нашёл. Честные люди — они всегда друг друга издалека видят и радуются. Да, хулиган. Да, убийца. Но Татарин верил: за правое дело. А вера человеку очень много даёт. Вера больше всего человечность подчёркивает.

— ...Роман, а ты почему на исповедь ко мне не приходишь? — спрашивал его батюшка.

— Да ну! — отмахивался Татарин. — Я же мусульманин! Мечеть бы построил — зашёл бы как-нибудь. А что мне в православном храме делать? Я же и не знаю там ничего...

— А в мечети ты чего знаешь? — Хороший был батюшка, прозорливый, наверно.

Татарин задумался, а действительно, ведь и там ни разу не был, махнул рукой:

— Да Бог-то всё равно один! — и ушёл по своим делам.

Бросает сеятель семена, и падают они куда им вздумается. Какое — на камень, какое — в траву густую, какое — на почву благородную. Время проходит, дожди поливают, и на каждом семечке всходы появляются. Они обязательно появятся, было б только семя брошено.

Батюшка Владимир фильм привёз для общего просмотра — про секты талибанов. Сидят зэки в кинотеатре. Ну как — кинотеатр? Комната отдельная с телевизором посередине. Смотрят фильм. Начало интригующее. Пустыня, динамичная музыка восточная, мулла молитву с минарета поёт, зелёный флаг с серпом на ветру развевается.

Татарин сидит, улыбается, о корнях своих думает. Но чем дальше — тем мрачнее становится. Дело до казней дошло, моджахед с перемотанным тряпкой лицом кричит: «Аллаха Акбар!» и людям головы, как баранам, режет. Тут не выдержал Татарин, заплакал. Встал посреди просмотра, подошёл к батюшке и говорит:

— Не могу я, батя, это смотреть. Окрести меня в Христа, никакого Аллаха мне не надо!

Не стал Владимир острить насчет того, что Бог один, и в первую же субботу покрестил Татарина в православного.

А мы на воле уже и не чаяли увидеть его. Но слышу как-то голос знакомый под окном. Выхожу, а это он, дядя Рома, — живой, улыбающийся, как всегда, бодренький.

— Привет, сынок! — говорит. — Подходи поближе, чай покурим, табак заварим!

Обнялись. Пяти лет как и не было. Он мне первым делом с гордостью рассказал, что теперь тоже православный, и крестик маленький оловянный на капроновой ниточке показал.

Женщина его прошлая, Грипуха, померла. «Пасынок» дом продал и пропал совсем. Может, на «золотой укол»⁶ угодил. Не жалко. Татарин и за людей таких не считал.

А вишня какая в огороде растёт! Крупная да сладкая. Не выдержала душа Татарина, залез через забор, рвет горстями, ест, причмокивая, а сок красный по подбородку струйкой сбегает да на новые брюки капает. Набил полные карманы — мальчишек местных угостить.

С большинством друзей своих рассорился. Всё переживал: не те воры нынче стали, совсем закон не уважают, всё ради денег делается.

— Мужеложники? — пошутил я.

— Да, ты прав, сынок. — Татарин задумался, глядя куда-то вдаль и смакуя это христианское слово. — Ложные мужчины... Стая петушья!

Никак он не мог смириться, что жизнь изменилась в эту сторону.

— Люди гнить начали, — говорил мне, — сердцем своим. Где же она теперь, справедливость?

Собирался куда-то за город ехать — то ли на стройку, то ли на овощебазу какую-то. Не стал его расспрашивать.

А ведь я молился за него. Даже когда он мусульманином ещё был. Почти с первых дней нашего знакомства. Запал в душу мне этот человек, сам не знаю почему. Посидеть бы подумать, что в нём было такого... Может, любовь к людям честным? Может быть, к жизни любовь такая особая, что всех вокруг будоражит?.. Ну, в общем, не знаю, чем он меня притягивал, так получилось. Молился.

Что он делал на воле, я не знаю, но только недавно ребята сообщили, что умер Татарин. В съёмном доме, на чужом диване. Документов при нём не было, и причину смерти никто сказать не мог. Похоронили как бродяжку, за счет государства. А бабка эта, у которой он дом снимал, уже позже в комодке его записную книжку нашла — и давай всех обзванивать. Совесть, наверное, мучила ее. Только поздно уже: дело сделано.

Как-то приснился он мне. Улыбающийся. Высокий такой. В жизни-то низенький ростиком был, а тут здоровый вымахал! Почти до потолка. Костюмчик новенький на нем. Улыбается. Руку жмет. Очень надеюсь, что нашёл он там справедливость, никому тут ненужную, и успокоился. Очень надеюсь. Даже верю в это.

Примечания

¹ Мужик — заключенный, не входящий в касты («братва», «блатные») и не занимающийся низкопоклонством перед администрацией.

² Масть — социальная «маска», которую получает человек, входя в одну из каст тюремной системы. Отказ от «масти» — акт личного достоинства, сохранения себя вне навязанных правил.

³ Огненный остров — один из островов озера Новое (Белозерский р-н Вологодск. обл.), где расположена исправительная колония особого режима для заключенных пожизненно.

⁴ Терпила — потерпевший, жертва.

⁵ Погремуха — прозвище, кличка.

⁶ Золотой укол — передозировка наркотиками, часто с летальным исходом.

Тимофей Львович ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

родился в 1983 году в Кемерове. Окончил математический факультет Кемеровского государственного университета. Пишет стихи, прозу. Публиковался в местной газете, интернет-альманахе.

Победитель регионального литературного конкурса «Мечтатель» (Новокузнецк) и конкурса сочинений «Россия будущего». Член Совета молодых литераторов Кузбасса при Союзе писателей России.

